

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 271.2"19"

**В. Ф. ВЛАДИСЛАВЛЕВ: ДВА ВЗГЛЯДА «СНИЗУ» НА ЦЕРКОВЬ
И ДУХОВЕНСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**¹

Д. А. Беговатов

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории

В статье на основе автобиографии и записок известного тверского священника В. Ф. Владиславлева (1820/1821–1895), написанных синхронно в середине XIX в., прослеживается двойственность воззрений на внутрицерковные и епархиальные проблемы, противоречивость характеристик отдельных лиц из приходской среды и епархиального начальства. Цель статьи – на основе сопоставительного анализа объяснить разночтения в текстах. Представляется, что священник-мемуарист сознательно создавал разные по остроте оценок сочинения, планируя не только прижизненные, но и хронологически отдалённые публикации.

Ключевые слова: В. Ф. Владиславлев, городское духовенство, православное духовенство, Тверская епархия.

Действительность, преломлённая через призму индивидуального опыта, всё чаще становится предметом изучения для современных историков. Однако далеко не всегда человек склонен афишировать свою точку зрения, которая может расходиться с общепринятой или официальной. Здесь играют роль субъективные мотивы (личная скромность, нежелание привлекать к себе внимание окружающих) и объективные обстоятельства (строгая цензура, общественное порицание, карательные санкции со стороны властей). Но потребность высказаться достаточно часто возникает у высокоинтеллектуальных людей, которые при необходимости используют достаточно безопасные способы выражения мыслей – ведут дневники, пишут «в стол» мемуары и т. п. Как правило, в этих сочинениях авторы достаточно откровенны, излагают то, что думают, не оглядываясь на мнение общества или карающую длань государства.

Именно в таком сложном положении находилось российское православное духовенство в середине – второй половине XIX в.: в Российской империи существовала суровая светская и духовная цензура, а священнослужители, будучи «идеологами» государства, находились под особым контролем духовных и светских властей². Не имея возможности высказывать свои «крамольные» мысли открыто, они либо писали «для себя», либо публиковались

¹ Рецензент – докт. ист. наук, проф. Т. Л. Леонтьева, Тверской государственный университет.

² Леонтьева Т. Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.; Тверь, 2012. С. 112.

анонимно или за границей³. Источники такого рода важны для реконструкции исторического контекста и настроений, не прикрашенных официозом.

В данной статье на основе автобиографии и очерка «Тверское современное духовенство» известного тверского священника второй половины XIX в. В. Ф. Владиславлева прослеживается вариативность в подборе материала и существенные различия в авторских оценках, что зависело от предполагаемого будущего текста⁴. Оба упомянутых документа писались практически синхронно – в 1852 г., однако их тон и содержание существенно различаются. Ни один из двух источников не был опубликован при жизни автора; первое сочинение было издано спустя 10 лет после смерти протоиерея, а последний труд – уже в наше время⁵. При сопоставлении источников используется метод сравнительного анализа.

Автор, Василий Фёдорович Владиславлев (1820/1821 г. – 25.12.1895 г.), протоиерей Владимирской церкви города Твери, – значимая и видная фигура в Тверской епархии второй половины XIX в. Его перу принадлежат многочисленные проповеди, статьи, очерки, а также литературные сочинения (до сегодняшнего дня сохранились неоконченная повесть «Сдача места», рассказ «Из быта духовенства. Женихи-богословы», незаконченные рукописи)⁶.

Большинство произведений В. Ф. Владиславлева объединяет общее направление мысли автора, признававшего, что в духовной среде накопилось немало проблем, связанных в том числе с недостатками и пороками священнослужителей. Достаточно сильно чувствуется его озабоченность и обеспокоенность положением дел в церкви, что в определённом смысле сближает его с другим известным клириком Тверской епархии, священником Иоанном Степановичем Белюстиным (1819–1890). Последний всю свою энергию, а подчас и желчь выплёскивал на страницы сочинений. Из-за слишком активной и жёсткой позиции он прослыл бунтарём⁷. Однако если В. Ф. Владиславлев предусмотрительно не афишировал свои неконформистские взгляды, писал критические труды «в стол», то И. С. Белюстин предпочитал работать «на результат» – публиковал статьи и книги анонимно или под псевдонимами. Впрочем, инкогнито ему сохранять не удавалось, что и становилось причиной неоднократных громких прижизненных скандалов и

³ Например: [Белюстин И. С.] Описание сельского духовенства. Русский заграничный сборник. Berlin; Paris; London. 1858; [Ростиславов Д. И.] О православном белом и чёрном духовенстве в России. Лейпциг, 1866.

⁴ Владиславлев В. Ф. Автобиографические записки протоиерея Тверской Владимирской церкви В. Ф. Владиславлева. Тверь, 1906; Из истории провинциального духовенства: записки священника В. Ф. Владиславлева: хрестоматия / сост. Д. А. Беговатов, Т. Г. Леонтьева. Тверь, 2012.

⁵ Там же.

⁶ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф.103. Оп.1. Д. 1186–1258.

⁷ Леонтьева Т. Г. Власть, Церковь, народ в дневниках и письмах провинциального священника: 1830–1890 гг. // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2007. Вып. 3. С. 79.

серьёзных разбирательств в тверской духовной консистории и Святейшем Синоде⁸.

Судьбы священников сложились по-разному. Интересно, что в знаменитом и нашумевшем в конце 1870 – начале 1880-х гг. процессе по делу И. С. Белюстина В. Ф. Владиславлев выступал в качестве одного из официальных обвинителей своего собрата⁹, однако их позиции, как выясняется теперь, были во многом схожими. Как знать, если бы свету в своё время открылись неопубликованные сочинения В. Ф. Владиславлева, он бы, вероятно, закончил свои дни в монастыре, или в глухом деревенском приходе; во всяком случае, о членстве в консистории и редакторской деятельности в епархиальном печатном органе не могло бы быть и речи.

Анализ сочинений В. Ф. Владиславлева следует начать с «Автобиографических записок», которые вышли в свет в 1906 г. Они состоят из 17 глав, при этом только 10–12 из них посвящены собственно описанию жизни автора, остальные – каким-либо событиям городской и церковной жизни. Можно достаточно уверенно утверждать, что «Автобиография» была явно ориентирована на последующую публикацию. Небольшие «уколы» и мягкие укоры высказываются автором всего несколько раз и только в адрес традиционного консисторского взяточничества, распространённой безграмотности женской половины духовного сословия, а также несовершенства духовных училищ и семинарии. Обличения серьёзных системных недостатков церковного института здесь нет, напротив, во всём преобладают благостные оценки и рисуется оптимистичная картина благополучного священнического быта.

Сюжеты из детства автора неразрывно переплетены с описанием патриархального деревенского уклада. Согласно тексту источника, материальное положение семьи Владиславлевых было достаточно благополучным, а картина бытовой рутины представляется в светлых тонах.

В. Ф. Владиславлеву удалось обойти практически все острые углы действительности, сконцентрировав своё внимание только на том, что не вызвало бы у читателя лишних вопросов и недоумения. Такую подачу материала можно было бы объяснить тем, что у автора в действительности остались лишь положительные воспоминания о своём детстве и юношеской поре, что время стёрло весь накопившийся негатив. Однако есть веские основания усомниться в таком объяснении.

К началу работы над «Автобиографией» автору было всего 31–32 года, т. е. хронологическая отдалённость момента создания источника от описываемых событий была не столь велика, как это часто бывает при написании документов подобного рода; едва ли автор так быстро забыл отрицательные впечатления о некоторых событиях своей жизни. Например, в других документах В. Ф. Владиславлева есть упоминания о губительном влиянии училищной жизни на будущих пастырей, о неустроенности быта учени-

⁸ См. опубликованные дневники И. С. Белюстина: *Леонтьева Т. Г.* Священник Иоанн Белюстин. С. 120–407.

⁹ *Леонтьева Т. Г.* Священник Иоанн Белюстин. С. 107–114.

ков, о схоластичности образовательных программ – но в автобиографии об этом сказано вскользь.

Тон и содержание другого документа, о котором речь пойдёт ниже, не позволяют усомниться в том, что в начале 50-х гг. XIX в. автор был настроен достаточно критично и не был склонен мириться со всеми пороками окружающей его действительности. В противном случае его сочинение этого же периода не было бы наполнено такими эмоциональными описаниями всех царящих в епархии беззаконий.

То, что «Автобиография» не появилась в печати при жизни автора, могло быть обусловлено личной скромностью её создателя или же отсутствием традиции прижизненной публикации подобного рода документов для лиц его круга, так как по своему общему настрою она явно пришлась бы по душе даже самому бдительному цензору.

Очерк «Тверское современное духовенство или Краткий перечень лиц белого и чёрного духовенства» – совсем иной документ и по духу, и по содержанию, хотя писался он едва ли не параллельно с «Автобиографией». Создаётся устойчивое впечатление, что главная цель очерка – обнажить недостатки своих «коллег по цеху», выставить на вид те беззакония и пороки, которыми была пронизана повседневная церковная жизнь Твери и Тверской епархии в середине XIX столетия. Негативный характер содержащейся в документе информации отлично понимал и сам автор, поэтому, желая в некоторой степени оправдать себя, он пишет в самом начале: «Не карикатуры хочу писать и неполные портреты тех лиц, с которыми живу в городе и служу пред престолом Господа, а краткие очерки их физиономий и характеров, их домашнего быта на память себе»¹⁰. После прочтения документа целиком эти слова воспринимаются скорее как скрытая авторская ирония или неуклюжая попытка самооправдания, нежели как чистосердечное утверждение.

В данном очерке автор основательно «прошёлся» по духовным персонам губернской столицы, начиная от епархиального архиерея, ректора семинарии, кафедрального протоиерея и ключаря и заканчивая дьячком и пономарём какой-нибудь приходской церкви. На конкретных примерах священник бичует пьянство и вымогательство, лезть низших к вышестоящим и жестокосердие начальства к подчинённым, потерю духовенством благоговения (или даже веры?) и погоню за материальной выгодой. В то же время, если у описываемых лиц имелись достоинства, В. Ф. Владиславлев их отмечает, стремясь, очевидно, к некоторой объективности¹¹.

Не оставляет автор в стороне комплекс проблем, связанный с духовным образованием и профессиональной подготовкой священно- и церковнослужителей. Если в «Автобиографии» этот вопрос по понятным причинам был затронут не очень глубоко и не слишком остро, то в данном очерке В. Ф. Владиславлев мог позволить себе высказать всё, без оглядки и не задумываясь над последствиями.

¹⁰ Из истории провинциального духовенства... С. 129.

¹¹ Там же. С. 161.

Он пишет, что уже с семилетнего возраста, проживая на частных квартирах во время обучения, будущие пастыри приучаются видеть разврат, пьянство, воровство, что, естественно, оставляет неизгладимый след в чуткой душе ребёнка. Воспитываясь в такой атмосфере, они свыкаются с этими пороками или даже сами прельщаются ими. Решение данной проблемы В. Ф. Владиславлев видел в строительстве специального корпуса для проживания учеников, на который предлагал организовать сбор денег среди белого духовенства епархии¹².

Вопрос дисциплины во внеурочное время решался в семинарской среде административными мерами – с помощью специальных журналов и института старших. О неэффективности использования данных механизмов В. Ф. Владиславлев знал не понаслышке, т. к. сам в своё время отправлял должность старшего¹³. В очерках он убедительно доказывает несостоятельность данных способов контроля, которые вместо улучшения нравственности учеников способствуют их духовному разложению: «Напр[имер], завёл (ректор. – Д. Б.) журналы квартирные: в каждой квартире заведён особый журнал, в котором прописывается, кто, когда, чем именно занимался в квартире, кто как вёл себя в квартире, кто читал утренние и вечерние молитвы, кто, куда и на сколько времени отлучался и зачем, все ли были в классе в учебное время и в церкви в праздничные дни и как вели себя... Старший обязан каждый день посещать своих подведомственных и расписываться в журнале, в котором часу он именно был и что нашёл в квартире... Но так как ученики расселены по целому городу и так как старший и высшее семинарское начальство не может неопустительно следить за выполнением всех этих правил, а между тем в журнале нужно же соблюсти форму, отметить, кто чем занимался, кто куда отлучался и пр., то и выходит, что эти правила, стесняя свободу учеников, естественно, приучают их к обману и лжи. Ученик, напр[имер], читал целый день повесть какую-нибудь, а в журнале прописано: “Учил из богословия”. Ученик рассказывал товарищам своим разные басенки и анекдоты, а в журнале написано: “Обдумывал рассуждение”, – и пр. и пр. Так что для каждой ученической шалости есть термин, узаконенный журналом. Смеяться – это заниматься рассуждением, анекдоты рассказывать – это обдумывать рассуждения, читать повести и романы – это учить урок»¹⁴.

Воспитание, построенное на страхе наказания, а не на развитии способности внутренней нравственной оценки поступков, могло привести (и часто приводило) к формированию морально извращённых личностей. Если учитывать, что речь идёт о церковных пастырях и идеологах Российского государства, то ситуация действительно складывается трагически. В. Ф. Владиславлев как человек высокообразованный и духовно развитый не мог пройти мимо неё в описании насущных проблем православной церкви середины XIX в. Не случайно именно систему духовного образования с сопутст-

¹² Из истории провинциального духовенства... С. 238–240

¹³ Владиславлев В. Ф. Автобиографические записки... С. 64.

¹⁴ Из истории провинциального духовенства... С. 151–152.

вующей ей морально-нравственной атмосферой и бытовыми условиями И. С. Белюстин, как и другие публицисты этого времени, считал корнем всех бед духовного сословия¹⁵.

Об отношениях консистории и приходского духовенства в очерке также имеется немало ярких строк. Например, В. Ф. Владиславлев отмечает: «На консисторию всё духовенство, особенно иногородние и сельское, смотрит, как на ад... несомненно верно, что всякий из духовных когда узнает, что консистория разваливается (от ветхости. – Д. Б.), всякий пожелал, чтоб она совсем сквозь землю провалилась». В этих предложениях сжато изложено всё неудовольствие, если не ненависть, которые испытывал простой священнослужитель к данному епархиальному органу, от которого можно было ждать только кары, но не милости, взыскания, но не помощи.

Есть возможность сравнить описания примеров консисторского взяточничества из автобиографии с аналогичными сюжетами из очерка. В первом документе имеется только один эпизод такого рода, но по характеру подачи материала его можно отнести скорее к воспоминаниям о светлом прошлом, нежели к бичеванию извечного порока.

Дед В. Ф. Владиславлева в своё время учился в семинарии вместе с будущим архиепископом Тверским и Кашинским Мефодием (Смирновым). Когда Мефодий был назначен на тверскую кафедру, то он, желая увидиться с бывшим другом, неожиданно вызвал его из села к себе. После нескольких дней пребывания в губернской столице, архиерей отпустил священника домой на тройке в сопровождении консисторского пристава, что было большой честью: «Консисторский пристав стал относиться к дедушке с подобострастием. – “Да, никому такого счастья Господь не посылал. Уж у нас какие протопопы и архимандриты там в знати, а всё того нет, что Николаю Григорьевичу Бог послал”, говорил пристав». Однако и это не помешало служителю епархиального органа попросить у сельского клирика себе «благодарности»: «Дедушка напоил, накормил и его (пристава. – Д. Б.) и ямщика и отправил обратно. “А всё-таки, батюшка, с вас нужно за труды-то!” – Дедушка дал приставу»¹⁶.

Понятно, что если консисторский чиновник не постеснялся попросить «благодарности» у человека, пользующегося явным расположением и покровительством архиерея, то про простых священнослужителей говорить не приходится. В очерках подобные многочисленные эпизоды описаны гораздо более рельефно и сравнивать их по тональности и форме подачи материала с единственным (!) аналогом из автобиографии практически не имеет смысла, настолько существенна разница между ними.

Аналогичная тенденция прослеживается в двойственной характеристике тверского соборного ключаря Кузьмы Кирилловича Чередеева. Описанию этой персоны В. Ф. Владиславлев посвятил пятую часть всего текста «Тверского современного духовенства». Сопоставление фрагментов из автобиографии и очерка, где описывается отношение данного соборного клирика к языку

¹⁵ Леонтьева Т. Г. Священник Иоанн Белюстин. С. 78.

¹⁶ Владиславлев В. Ф. Автобиографические записки... С. 4–6.

проповеди, ясно показывает, что В. Ф. Владиславлев даёт если не прямо противоположные оценки одному и тому же явлению, то всё же сильно лукавит, выдавая в одном случае нетипичное исключение за постоянное правило. На момент написания очерка К. К. Чередеев был проповедническим цензором, а в прошлом – преподавателем в семинарии по классу риторики.

В автобиографии В. Ф. Владиславлев пишет: «В риторике был случай: задана была проповедь на разные темы. Я выбрал тему “Отче наш, Иже на небесех”. Тогда только лишь вышли проповеди Иннокентия, ныне Одесского архиепископа. Эти проповеди производили на нас удивительное впечатление. Мы их читали и переписывали целые ночи. Я весьма многие знал наизусть. Нас увлекла эта живость чувства, свежесть языка, простота и естественность в раскрытии истины, поразительность некоторых оборотов. Проповедь моя вышла под влиянием Иннокентия очень хороша. Кузьма Кириллович заставил меня сказать её в классе и выдал мне её с следующей надписью: “Этот первый опыт подаёт верную надежду видеть в сочинителе со временем доброго проповедника”»¹⁷.

Таким образом, здесь К. К. Чередеев предстаёт перед читателем если не активным поборником нового, несхоластичного течения в гомилетике, то всё же педагогом, приветствующим новые веяния в проповеднической практике.

В очерке на похожую тему автор пишет совсем иначе: «Он (К. К. Чередеев. – Д. Б.) особенно не любит проповедей молодых священников. Он сам был профессором риторики и до чрезвычайности любит все формы и законы риторические, требует периодов круглых и полных, требует тропов и фигур, требует всего скелета риторического в проповеди, формальных доказательств, вступлений, переходов, заключений, требует, чтоб и слог иль язык самый проповеди отличался латинизмом, книжничеством. Поэтому неудивительно, что молодые проповедники, которые заменяют пустые формы риторики истинным красноречием и здравым рассуждением, не совсем нравятся Кузьме». «Кузьма отличался своим критикованием проповедей ещё в семинарии... Раз один ученик богословия из числа первых подал проповедь Кузьме Кирилловичу... Проповедь была написана весьма хорошо, но написана на новый лад, а главное – сочинитель проповеди не нравился Кузьме... Кузьма и прочитал проповедь. Боже мой! Каких он замечаний не наделал! Как перемазал! Живого слова не оставил! И подписал: “Проповедь никуда решительно не годится!”»¹⁸

Если первая цитата из очерка достаточно однозначна и не вызывает принципиальных вопросов, то по поводу последнего фрагмента можно возразить – отрицательная оценка наставника могла быть вызвана исключительно личной неприязнью педагога. Однако автор ясно указывает, что новый слог проповеди сыграл большую роль в данном инциденте, поэтому списывать всё только на месть не представляется возможным.

¹⁷ Владиславлев В. Ф. Автобиографические записки... С. 91.

¹⁸ Из истории провинциального духовенства... С. 186–187.

Высказывания В. Ф. Владиславлева относительно склонности К. К. Чередеева к схоластичности и «буквоедству» в проповедничестве можно подкрепить любопытной цитатой И. С. Белюстина из дневника 1849 г. В записи от 3 сентября он, вспоминая недавнюю неприятную встречу с митрополитом Филаретом (Дроздовым), всех душителей живого слова называет «Кузьмы-педанты», очевидно, прозрачно намекая именно на К. К. Чередеева: «...»Но эта проповедь написана слишком свободно; – не соблюдены правила”... Кузьмы-педанты, – хоть и под белым клобуком, научите же, как сковать живую мысль в раны и оковы? Правила!... Когда мысль кипит, рвётся наружу, бьёт ключом; – правила!...» «В вашей чахлой душе чахла и мысль. Холодные, безжизненные, вы силой тащите мысль в свою голову; не согретая огнём любви она стынет и мерзнет и, застывшую, вы лепите в известные формы...»¹⁹ Эти высказывания более эмоциональные и образные, чем у В. Ф. Владиславлева, но направление мысли двух священников одинаково.

В автобиографии и очерке В. Ф. Владиславлева ясно прослеживается разнохарактерность содержащейся информации и в отдельных случаях полярность высказываемых автором оценок; налицо двойственность в зафиксированных В. Ф. Владиславлевым мнениях и существенные различия в расстановке акцентов, которые прослеживаются при сопоставлении аналогичных фрагментов из двух рассматриваемых документов. Данная ситуация тем более показательная, что автобиография и очерк создавались священником в одно и то же время. Это явление объясняется фактором временной ориентированности сочинения на последующую публикацию – прижизненную или посмертную.

Список литературы

1. *Леонтьева Т. Г.* Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.; Тверь, 2012.
2. *Леонтьева Т. Г.* Власть, Церковь, народ в дневниках и письмах провинциального священника: 1830–1890 гг. // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2007. Вып. 3. С. 79.

VF VLADISLAVLEV: TWO VIEWS "BOTTOM" OF THE CHURCH AND THE CLERGY IN THE RUSSIAN EMPIRE

D. A. Begovatov

The Tver State University, Department of native history

On the basis of the autobiography and memoirs of a well-known Tver clergyman V.F. Vladislavlev (1820/1821–1895) written synchronously in the middle of the 19-th century the duality of his views on some intrachurch and diocesan problems as well as characterization contrariety of some personalities from the parochial community and eparchial authority are the problems at issue. The object of the article is the explanation of various readings in the texts

¹⁹ *Леонтьева Т. Г.* Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. С. 244.

on the ground of comparative analysis. From our point of view the clergyman-memoirist composed different in evaluating exigencies essays deliberately planning not only intravitam publication but chronologically long-run publications.

Keywords: *V. F. Vladislavlev, urban clergy, orthodox clergy, Tver diocese.*

Об авторе:

БЕГОВАТОВ Дмитрий Александрович – Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, e-mail: begovatov1986@mail.ru

About the authors:

BEGOVATOV Dmitrii Aleksandrovich – the graduate student, The Tver State University, the Department of native history (170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office 207), e-mail: begovatov1986@mail.ru

References

Leont'eva T. G. Svyashchennik Ioann Belyustin: biografiya v dokumentakh. M.; Tver', 2012.

Leont'eva T. G. Vlast', Tserkov', narod v dnevnikakh i pis'makh provintsial'nogo svyashchennika: 1830–1890 gg. // Vestnik TvGU. Seriya: Istoriya. 2007. Vyp. 3. S. 79.

Статья поступила в редакцию 19.03.2013